

ЖИЗНЬ

І. А. КОМЕНСКАГО.

СОЧ. ФР. ПАЛАЦКАГО.

Пер. съ чешскаго Н. Задерацкій.

{Изъ Casopis společnosti vlastenského Museum v Cechách.
Třetí roční běh. Lvazek třetí. 1829}.

Янъ Амосъ Коменскій принадлежитъ къ числу знаменитѣйшихъ мужей всѣхъ вѣковъ и народовъ. Родился онъ въ незначительномъ городѣ; всю жизнь его странно преслѣдовали разныя несчастія, но все таки онъ до такой степени прославился, что не только въ свое время пользовался уваженіемъ и похвалами у всѣхъ образованныхъ народовъ, а и до сихъ поръ съ благодарностью воспоминается въ числѣ благодѣтелей человѣчества, такъ какъ и до нашего времени имя его не перестаетъ красоваться въ школахъ для дѣтскаго возраста. Рядомъ съ такой обширной извѣстностью, гораздо меньшее, кажется, значеніе имѣетъ то обстоятельство, что онъ былъ послѣднимъ епископомъ нѣкогда бывшей общины чешскихъ и моравскихъ братьевъ и что, относительно силы и живости языка, чешская народная литература не имѣетъ равнаго ему автора. Для чеховъ и одного этого достаточно, чтобы сдѣлать его достопамятнымъ.

Коменскій родился въ Моравіи, въ мѣстечкѣ Нивницахъ, въ островской области (panství)¹⁾, недалеко отъ венгерскаго Брода, 1592 г. 28 марта. Родители его принадлежали къ общинѣ чешскихъ братьевъ, которая, имѣя въ этомъ округѣ многихъ послѣдователей, дала своей церкви и народной литературѣ уже не одного знаменитаго мужа, какъ напр. Яна Благослава († 1571). Отецъ Коменскаго былъ мельникъ; онъ и жена его умерли еще въ дѣтскіе годы своего сына; но, кажется, оставили вполне достаточное наслѣдство для его воспитанія въ будущемъ. Къ тому же и природа щедро надѣлила его прекраснѣйшими дарами: быстрою и ясною, способною къ воспримчивости, мыслью, живымъ и глубокимъ чувствомъ, сердцемъ, полнымъ довѣрія къ Богу и людямъ, энергичною, дѣятельною, постоянною и безстрашною волею. Но таже судьба, которая надѣлила его такими дарами, не оставляла и преслѣдовать его уже съ дѣтства всевозможными невзгодами: вся жизнь его подобна плаванью по бурному морю, которое разбивало всякій корабль, на какомъ онъ находилъ убѣжище, и напослѣдокъ только впервые онъ успокоился на западныхъ окраинахъ міра—въ гробу.

Опекуны Коменскаго нисколько не заботились объ его воспитаніи. Едва выученный началамъ грамоты дома, мальчикъ росъ, предоставленный самому себѣ, не имѣя предъ собой опредѣленной цѣли, но безъ разбора хватаясь за всякое занятіе; но и отъ этого скоро онъ совсѣмъ отсталъ.

¹⁾ Обыкновенно мѣстомъ рожденія Коменскаго считается деревня Комца въ Свѣтловской области; но г. К. Ригеръ, который, изъ числа прежнихъ писателей, имѣлъ самыя точныя свѣдѣнія о Коменскомъ, называетъ Нивницы мѣстомъ его родины, что и имѣ кажется дѣйствительно достовернымъ. Родъ его произошелъ, вѣроятно, изъ Компи. Островъ былъ старымъ мѣстопребываніемъ чешскихъ братьевъ, гдѣ у нихъ была и типографія. Коменскій самъ называетъ себя «Nupobrodenſis Moravus», такъ-какъ Нивницы отстоятъ всего на часъ пути отъ венгерскаго Брода. *Пр. аст.*

Впервые, шестнадцати лѣтъ отъ-роду (1608), пробудившаяся въ немъ неодолимая жажда къ высшимъ наукамъ и знаніямъ привела его въ латинскія школы, хотя и нельзя опредѣленно сказать, гдѣ и въ какихъ школахъ онъ началъ обучаться. Такое позднее начало зачатій, особенно латинскимъ языкомъ, — который въ то время, какъ и теперь еще, былъ въ числѣ главныхъ, но преподавался довольно неразумнымъ и даже противнымъ природѣ образомъ, — послужило въ послѣдствіи неожиданнымъ для него благомъ. Коменскій, начавши элементарное обученіе съ умомъ довольно уже зрѣлымъ и развитымъ, не могъ не почувствовать живо всей отсталости и неудовлетворительности господствовавшей тутъ рутины; это сдѣлало его въ послѣдствіи великимъ преобразователемъ всей дидактики.

Посвятивъ себя церковному служенію въ братской общинѣ, Коменскій долженъ былъ отправиться въ чужіе края для пріобрѣтенія болѣе широкаго образованія и свѣдѣній, въ особенности въ наукахъ богословскихъ, въ смыслѣ реформатской церкви (ученіе которой наиболѣе было сходно съ братскимъ). Тамъ учился сперва въ городѣ Герборнѣ, въ княжествѣ Нассау, до 1612; тамъ въ числѣ учителей его былъ также и знаменитый ученый своего времени І. Г. Альстедіусъ († 1638). Изъ Герборна направился онъ въ гейдельбергскую академію, гдѣ недолго, впрочемъ, оставался: окончивъ свои занятія, отправился путешествовать въ западныя приморскія страны и, вѣроятно, былъ въ Англіи; между прочимъ въ 1614 г., будучи двадцати двухъ лѣтъ отъ-роду, впервые посѣтилъ Амстердамъ, не разсчитывая еще тогда, что этотъ славный и многолюдный городъ будетъ нѣкогда для него, отовсюду гонимаго старца, послѣднимъ убѣжищемъ.

Съ огромнымъ запасомъ свѣдѣній, пріобрѣтенныхъ на чужбинѣ и съ не менѣе громаднымъ стремленіемъ дополнить

и расширить знанія у себя—дома, вернулся Коменскій еще въ томъ же (1614) году на родину свою—Моравію. По молодости лѣтъ своихъ будучи еще неспособенъ къ отправленію церковной службы въ общинѣ братьевъ, онъ приглашенъ былъ,—великимъ меценатомъ ученыхъ и главнымъ защитникомъ братской общины, паномъ Карломъ старшимъ изъ Жеротина, бывшимъ еще тогда старшимъ гетманомъ моравскаго маркграфства,—въ городъ его Преровъ (Přerow въ директоры братской школы, которая процвѣтала тамъ уже съ давнихъ временъ. Здѣсь, вспоминая собственныя походы свои въ школахъ и желая быть полезнымъ въ чемъ нибудь порученному ему юношеству, началъ онъ обдумывать методы, посредствомъ которыхъ болѣе обширныя и основательныя знанія доставались бы его ученикамъ съ возможно-меньшимъ трудомъ. Здѣсь-то напалъ онъ на мысль о реальномъ методѣ въ школахъ. Изъ разсужденій его, которыя онъ началъ писать съ этою цѣлью, одно—новое и легчайшее руководство къ изученію латинскаго языка—напечатано въ 1616 г. въ Прагѣ, которое едвали, впрочемъ, находится гдѣ нибудь больше въ библіотекахъ, такъ что мы о немъ судить не можемъ. Между тѣмъ Коменскій въ 1616 г., достигнувъ двадцатичетырехлѣтняго возраста, посвященъ въ священники братской общины, въ должность проповѣдника (неизвѣстно, въ какой именно округъ), и такимъ образомъ отвлеченъ былъ отъ трудовъ педагогическихъ. Впрочемъ скоро онъ вернулся къ нимъ, когда въ 1618 г. былъ избранъ въ фульнскій округъ, главный и самый древній пунктъ чешскихъ братьевъ въ Моравіи, проповѣдникомъ и наблюдателемъ школъ, вновь тамъ учрежденныхъ. Здѣсь Коменскій, не долгое впрочемъ время, пользовался невозмутимымъ счастьемъ въ супружеской жизни, оказывая при этомъ въ важныхъ и нужныхъ случаяхъ всевозможную помощь людямъ этой мѣстности своимъ участіемъ, особенно касательно улучшения скота и хозяйства.

Знакомымъ съ исторіей Богеміи не нужно распростра-
няться, какія обстоятельства и событія совершенно и на-вѣки
разрушили тогда счастье, какъ семейное, такъ и обществен-
ное, не только Коменскаго, но и безчисленнаго множества
собратьевъ его. Земскіе подобой въ Богеміи и Моравіи, воз-
ставъ могучею рукою противъ короля своего Фердинанда II,
завязали гражданскую войну, которая послѣ бѣлогорской
битвы (1620 г., 8 нояб.) обрушилась кровавымъ образомъ
на ихъ головы. Изъ всѣхъ пановъ моравскихъ только одинъ—
Карль изъ Жеротина остался вѣрнымъ королю, будучи гла-
вой братской общины. Верхъ одержалъ король, и съ большою
энергіей наказалъ виновныхъ общинныхъ подобоевъ; всѣмъ
вообще выпалъ жребій самый горькій.

1621 г. испанское войско, посланное на помощь къ
императору Фердинанду, бывши въ окрестностяхъ Фульпека,
ограбляло и сожгло этотъ городъ. При этомъ случаѣ Комен-
скій потерялъ все свое состояніе, книги и—что все безотрад-
нѣе—свои рукописи, которыя до того времени были имъ
написаны, относительно улучшенія въ обученіи юношества и
въ другихъ родахъ. Это было началомъ его страданій и не-
счастій. Точно, вскорѣ потомъ, именно въ 1622 г., онъ дол-
женъ былъ оставить свою церковь, такъ какъ у братскихъ
священниковъ отнимали свободу богослуженія. Одинъ только
панъ Карль изъ Жеротина пользовался прежней свободой
въ своихъ обширныхъ и богатыхъ имѣніяхъ, такъ-что брат-
скіе священники, гонимые изъ другихъ мѣстъ, постоянно сте-
кались къ нему; до двадцати четырехъ чужихъ принималъ онъ
охотно въ своихъ владѣніяхъ, ласково и уважительно обра-
щаясь съ ними. Въ ихъ числѣ былъ и Коменскій, потерявшій
въ этихъ страшныхъ невзгодахъ, при другихъ несчастіяхъ,
любимую жену и двоихъ дѣтей.

1623 г., не имѣя такимъ образомъ никакого дѣла, по не желая быть однако празднымъ, сталъ онъ, для собственнаго утѣшенія, писать прекрасную книгу, и до сихъ поръ извѣстную всѣмъ чехамъ и моравамъ: *«Лабиринтъ свѣта и рай сердца»*; это—аллегорическій образъ человѣческой жизни, какъ все въ ней пусто, кромѣ одной религіозности въ сердцѣ; тутъ, подъ видомъ блужданія по свѣту, ясно представляется теченіе и образъ всѣхъ земныхъ дѣлъ. Объ этомъ говоритъ самъ авторъ: «Да будетъ прославлено имя Бога, который и мнѣ отверзъ мои очи, чтобъ я могъ распознавать разнообразную тщеславную и жалкую суету этого свѣта, обманъ, повсюду скрывающійся подъ наружнымъ блескомъ, и чтобы я научилъ людей покой и надежду мысли искать въ другомъ мѣстѣ. Чтобы это нагляднѣе и себѣ представить на видъ, и чтобы подѣлиться тѣмъ же съ другими, я придумалъ такой путь къ свѣту: я какъ-бы нарисовалъ въ этомъ трактатѣ всѣ безобразныя вещи, какія только находилъ или встрѣчалъ я въ жизни, и указалъ, гдѣ и какъ, наконецъ я доискался желаннаго и въ свѣтѣ тщетно искомаго счастья. Насколько удачно я это сдѣлалъ,—меня не занимаетъ; дай только, Боже, чтобы это пошло въ-прокъ мнѣ и моимъ ближнимъ». Каждому любителю чешской литературы извѣстно, что до сихъ поръ на чешскомъ языкѣ нѣтъ сочиненія, написаннаго прозой, по красотѣ и увлекательности выше этого Лабиринта свѣта. Но это сочиненіе и со стороны высокой поэзіи имѣетъ немаловажныя достоинства: хотя авторъ и обуздывалъ мысль и образность идеи, по причинѣ религіозной цѣли и аллегорической формы, своего сочиненія; но онъ постоянно вдыхалъ въ представителей своего идеальнаго міра какой-то особенный характеръ жизни, такъ что всегда они дѣйствуютъ предъ нашими глазами живо и отчетливо, съ какой-то оригинальной органической силой. Коменскій посвя-

тиль это сочиненіе великому благодѣтелю своему Клопотѣ, 13 декабря 1623 г.; напечатано же было оно впервые черезъ 8 лѣтъ, и съ той поры до нашего времени выдержало еще 4 изданія ¹⁾.

Въ 1624 г. пану Карлу изъ Жеротина назначенными для того императорскими комиссарами было сдѣлано внушеніе, чтобы онъ никакихъ братскихъ священниковъ не пердерживалъ въ своихъ владѣніяхъ. И какъ ни хлопоталъ этотъ панъ предъ самимъ императоромъ о неподаудности своей за вѣрность присягѣ, это ничего не помогло, и большая часть этихъ священниковъ, а въ числѣ ихъ также Коменскій, ушли изъ его владѣній, скрываясь, разбрелись по лѣсамъ, скаламъ и ущерамъ страпы, и находились въ постоянномъ страхѣ, что ихъ найдутъ, и они, какъ уже со многими случилось, отвѣтять головою: все это дѣлало житіе ихъ бѣдственнымъ. Въ этихъ скитальческихъ тревогахъ, Коменскій, въ 1625 г., написалъ другое свое чешское произведеніе, подъ заглавіемъ «Глубина безпечности». Сочиненіе это имѣетъ такую же религіозную цѣль, какъ и Лабиринтъ свѣта, съ которымъ сходно по живости и силѣ языка; но выдерживаетъ полнѣе всѣ поэтическія красоты въ идеѣ и образности.

Между тѣмъ, Коменскій, хотя былъ въ постоянномъ страхѣ предъ врагами, въ этихъ скитаньяхъ не переставалъ навѣщать свою покинутую церковь и исполнять требы для своей паствы. Въ слѣдующемъ же (1626) году онъ отправлялъ посольство въ Польшу по дѣлу братской общины, но неизвѣстно, о чемъ онъ хлопоталъ. Не думаю, чтобъ о переселеніи братьевъ въ Польшу: имѣя надежду, что обстоятельства времени хоть когда нибудь примутъ лучший оборотъ, они и думать не хотѣли покинуть свою родину совершенно. Тогда

¹⁾ У г. А. Н. Пыпина въ «Обзорѣ исторіи славянскихъ литературъ» показано 6 изданій: 1631, 1663, 1757, 1782; 1809 и 1862 гг. *Пр. пер.*

же Коменскій черезъ Горелиць (Horelice) познакомился въ первый разъ съ извѣстнымъ пророкомъ того времени, Коттеромъ, Спротовскимъ кожевникомъ въ Лузаціи, который имѣлъ на него впоследствии сильное вліяніе своими пророчествами. Вернувшись изъ Польши, онъ жилъ, большею частію, у Исполиновыхъ горъ, во владѣніяхъ пана Георгія Садовскаго изъ Слупна, который точно такъ же въ Богеміи, какъ панъ изъ Жеротина въ Моравіи, усердно защищалъ и снабжалъ необходимымъ чешскихъ братьевъ. Какое обстоятельство содѣйствовало ему здѣсь вернуться къ идеямъ, нѣкогда столь полюбившимся ему,—объ улучшеніи метода образованія юношества,—говоритъ самъ Коменскій, котораго слова я привожу въ переводѣ:

«Нашъ было нѣсколько священниковъ, укрывавшихся въ горахъ, неподалеку отъ эльбскихъ истоковъ, у пана Садовскаго. Одному изъ насъ, Яну Стадію, поручилъ панъ воспитаніе своихъ дѣтей; онъ, испросивъ у меня нѣкоторые совѣты, взялся за дѣло. Однажды лѣтомъ мы отправились въ близлежащій замокъ Волчиць (Vlčic), для обозрѣнія извѣстной бібліотеки господъ Сильваровъ, гдѣ намъ попалась только что полученная изъ Германіи дидактика Іліи Бодины; прочитавъ ее, мы сильно задумались о сочиненіи подобной книги и на нашемъ родномъ языкѣ; узнавъ это, другіе братья стали очень одобрять наше намѣреніе и желать исполненія его. Въ тоже самое время (31 іюля 1627) были разосланы новые императорскіе указы ко всѣмъ чешскимъ сословіямъ, что если кто не хочетъ присоединиться къ господствующей религіи, пусть, въ извѣстный срокъ, удалится изъ страны. Большинство готовилось къ переселенію. Мы сожалѣли, видя такое гоненіе на нашу церковь и наши школы, совершавшееся предъ нашими глазами. Къ чему повело бы сопротивленіе? Надежда же, что нѣкогда милосердіе Божіе опять

воротится къ намъ, побуждала насъ къ большому старанію объ исправленіи въ будущемъ того, что пострадало отъ притѣсненій. Мы ничего другаго не думали, кромѣ того, что, когда Богъ удостоитъ взглянуть на насъ окомъ милосердія, мы первѣе всего явимся пособниками нашему юношеству, основывая новыя школы, снабжая ихъ хорошими книгами и вводя естественный и удобный методъ, чтобы при этомъ болѣе всего процвѣтала любовь къ ученымъ занятіямъ, къ добродѣтели и религіозности. Побуждаемые этимъ, мы усердно принялись за это дѣло, укрываясь еще на своей родинѣ,— хотя оно впоследствии не ей, но чужбинѣ, пошло въ пользу*.

Только въ началѣ 1628 г. братья потеряли всякую опору свою въ странѣ, когда не только Садовскій, но и самъ нашъ Карлъ изъ Жеротина, гонимые на родинѣ, готовились къ переселенію. Коменскій,—съ которымъ жилъ вмѣстѣ почтенный тестъ его Янъ Кириллъ, бывшій прежде (1618—1621) старшиной братской общины при пражской консисторіи,—съ тестемъ, съ Садовскимъ, съ извѣстной Христиной Понятовской и съ нѣкоторыми еще священниками, въ концѣ января 1628 г., въ суровую зиму, окончательно покинулъ свою родину. Достигнувъ границы, отдѣлявшей Богемію отъ Силезіи, всѣ они стали на колѣни, молясь Богу громко и съ обильными слезами, чтобы Онъ не отвратилъ совершенно милосердія своего отъ ихъ любимой родины, но дозволилъ укорениться въ ней сѣмени своего слова. Февраля 8 прибыли они въ Лешно, въ Польшѣ, гдѣ нашли себѣ пріютъ въ изгнаніи. Городъ Лешно, въ нынѣшнемъ позпанскомъ герцогствѣ, лежащій недалеко отъ силезской границы, принадлежалъ тогда графу Рафаилу Лешенскому, воеводѣ Бѣльскому; этотъ знатный польскій панъ, принявъ ласково изгнанниковъ въ своихъ обширныхъ имѣніяхъ, много имъ сдѣлалъ благодѣяній. Скоро послѣ этого въ Лешнѣ собралось множество другихъ изгнан-

никовъ изъ Богеміи и Моравіи, отчего тутъ произошла цѣлая многочисленная колонія чешская, и изгнанники, видя вокругъ себя все своихъ, забывали, что находятся въ изгнаніи.

При большомъ числѣ братскихъ священниковъ въ Лешнѣ, Коменскому не было дѣла, и онъ принялъ на себя управленіе лешенской гимназіей, взявшись также быть и учителемъ. Здѣсь онъ опять, и основательнѣе, чѣмъ до сихъ поръ, предался занятіямъ дидактикой ¹⁾. Вступилъ онъ въ переписку по этому предмету съ знаменитыми людьми своего времени, о которыхъ зналъ, что имъ близки къ сердцу тогдашнія школьныя неурядица, особенно съ Вольфг. Ратихіемъ, который уже въ 1612 году писалъ объ улучшеніяхъ въ методѣ обученія, но потомъ ни въ чемъ не хотѣлъ помочь Коменскому, также—съ знаменитымъ І. Бал. Андреасомъ въ Виртембергѣ и мн. др. Ничего чрезъ это не добившись, Коменскій пришелъ къ тому заключенію, что ожидать чего нибудь отъ другихъ людей или полагаться на нихъ не слѣдуетъ, а нужно работать самому, если хочешь добиться чего нибудь основательнаго. Тогда онъ углубился самъ въ первыя основы дидактики ²⁾, проникая ясными просвѣщенными глазами въ тайныя святыни ея, сталъ знатокомъ въ ней и оракуломъ учителей и юношества. Съ этой цѣлью написалъ онъ сперва (1638 г. и слѣд.), первоначально на чешскомъ языкѣ, три книги, которыя только впоследствии переведены и изданы были на нѣмецкомъ и латинскомъ языкахъ: 1) Большую ди-

¹⁾ Дидактика есть наука о способѣ, каковаго вообще слѣдуетъ держаться при обученіи; подъ именемъ дидактики у Коменскаго разумѣется вся педагогика или наука о наилучшемъ способѣ воспитанія юношества вообще. *Пр. ает.*

²⁾ Factum est, ut ego Didactica mea primis a fundamentis retexere, omnibus, nostris et alienis, ampliora et firmiora constituere tentarim; donec et praefidentia quadam molimen hoc toto genere novum «Didacticam Magnam, sive omnes omnia docendi artificium», appellare subiret animus. *Opp. did. I. praef. Пр. ает.*

дактику, 2) Материнскую школу и 3) Простонародную школу, раздѣленную на шесть отдѣленій. Въ этихъ книгахъ Коменскій чрезвычайно основательно указывалъ и порицалъ недостатки тогдашнихъ школьныхъ приѣмовъ: что они хлопочутъ только объ обученіи, а оставляютъ безъ вниманія нравственность и религіозность; возбуждая разумъ, не облагораживаютъ сердца и не примѣняются къ практической жизни; колебаніе метода обыкновенно чрезвычайно мучить молодежь и она привыкаетъ только къ механическому попугайству, пріучаясь понимать только слова, а не вещи; что обучаютъ почти только одной латыни, и притомъ по методу, вполне неразумному—въ свою очередь по-латыни—и такъ, слѣдовательно, неизвѣстное объясняется чрезъ неизвѣстное и т. д. Поэтому Коменскій внушаетъ всѣмъ учителямъ, чтобы, обучая юношество, они во всемъ держались порядка, устроеннаго самой природою, и этотъ порядокъ очень основательно и ясно онъ представляетъ въ первой своей книгѣ. Я хочу здѣсь привести только нѣкоторые характеристическія его правила, чтобы тѣмъ обратить вниманіе нашихъ учителей на эти сочиненія: «обращайте вниманіе, говоритъ онъ, сначала на матерію, потомъ на формы, сначала на вещи, потомъ на слова; просвѣщайте сначала смыслъ, потомъ память, разумъ и сужденіе; начинайте всегда съ самыхъ простыхъ и главнѣйшихъ основаній; объясняйте всякій предметъ удобопонятнымъ языкомъ; учите всему согласно съ основаніями, лежащими въ самой природѣ; ничему не учите на словахъ только, или по свидѣтельству другихъ (*per auctoritatem*); учите народъ дѣлать выводы, насколько это возможно, не изъ книгъ, но изъ неба и земли, дубовъ и елей, т. е. пусть изслѣдуетъ самъ, а не довѣряется всецѣло чужому опыту; языкамъ учите не ограничиваясь одними голыми безсодержательными формами, и прежде всего учите родному языку, по особымъ его прави-

ламъ, и потомъ только чужимъ; не учите всему, что знаете сами, по что понятно вашимъ ученикамъ» и т. д. Правила эти и все остальное у него, само по себѣ, такъ естественно, ясно и просто, что, повидимому, ничего новаго въ себѣ не заключаетъ; по это-то именно и есть признакъ истиннаго открытія, и каждая несомнѣнная истина вытекаетъ какъ-бы сама по себѣ изъ природы; только о томъ и нужно заботиться, чтобы источникъ этотъ распознать въ его чистотѣ и обратить ко благу обыденной жизни. При всемъ томъ, я нимало не сомнѣваюсь, что хотя опытъ двухъ столѣтій послѣ Коменскаго научилъ насъ многому, но педагоги наши все еще могли бы читать его сочиненія, не только съ удовольствіемъ, но и съ пользою. Какъ грустно для насъ, что книги эти не сохранились на первоначальномъ своемъ чешскомъ языкѣ!

Дидактическое правило, что словамъ, безъ предметовъ, учить не должно, дало Коменскому поводъ къ дальнѣйшему развитію естественнаго соединенія, существующаго между словами, какъ обозначеніемъ понятій человѣка, и вещью, или предметомъ человѣческаго познанія. Онъ обратилъ вниманіе на то, что сумму человѣческаго языка составляетъ извѣстное число словъ, и что въ слова уложилось извѣстное число понятій человѣческихъ. Поэтому сумма рѣчи и сумма понятій представляютъ собою нѣкоторое органическое цѣлое. Вслѣдствіе этого возможно представить вмѣстѣ весь матеріалъ рѣчи, для легчайшаго обзора, относительно понятій, въ нѣкоторой естественной постепенности. Весь кругъ человѣческаго познанія, представленный въ такомъ органически-прочномъ соединеніи, былъ бы какъ-бы зеркаломъ, или выраженіемъ и образомъ всего, что можетъ быть познано мыслію человѣка. Для такого представленія языкъ въ цѣломъ своемъ составѣ можетъ служить какъ бы ключемъ. Первые начала этому дѣлу, для употребленія въ первоначальныхъ школахъ,

въ особенности о легчайшемъ обученіи латинскому языку, нанисалъ онъ уже въ 1629 г., по просьбѣ друзей своихъ; потомъ въ 1631 г., подѣ заглавіемъ «*Janua linguarum reserata*», напечаталъ въ Лешнѣ. Вскорѣ по выходѣ книга эта приобрѣла неслыханныя похвалы у всѣхъ почти ученыхъ и неученыхъ, была введена въ школы, и на иностранныя языки переведена, такъ что, кромѣ Библии, неизвѣстно до сихъ поръ ни объ одной книгѣ въ свѣтѣ, которая бы разошлась въ такомъ количествѣ экземпляровъ, выдержала столько новыхъ изданій, такъ читалась и изучалась. Она въ теченіе первыхъ десяти лѣтъ по выходѣ своемъ переведена на всѣ европейскіе языки, на нѣкоторые азіатскіе, какъ на арабскій, турецкій, персидскій и монгольскій ¹⁾, и даже до сихъ поръ не вездѣ вышла изъ памяти учениковъ, такъ какъ зачастую употребляется при обученіи разнымъ языкамъ. Впрочемъ при этомъ, и тогда и теперь, мало кто думалъ и знаетъ объ идеѣ, которая произвела появленіе этой книги. Самъ Коменскій, хотя и радъ былъ успѣху своей книги, никогда не былъ благодаренъ за безмѣрные похвалы и безразсудный восторгъ многихъ учителей, даже много разъ долженъ былъ просить, чтобы они изъ-за его труда не дѣлали столько шума ²⁾. Она была первоначально написана для одного отдѣ-

¹⁾ О переводѣ ея на эти языки мы имѣемъ свидѣтельство ученаго Петра Голія (Golia), который далъ такой отзывъ брату своему Якову Голію, профессору восточныхъ языковъ въ лейденской академіи, въ 1641 г. изъ города Аленпо (Halero), въ Сиріи, что, переведя лично «*Janua*» Коменскаго на арабскій языкъ, такую любовь къ этой книгѣ внушилъ ученымъ магометанамъ, что тѣ не только раздѣлили между собою переводы ея на прочіе (выше поименованные) свои языки, но еще усердно спрашивали о другихъ сочиненіяхъ этого автора. (Opp. did. II. 268). *Пр. авт.*

²⁾ *Januam linguarum reserata* an. 1631 foras misi, ad experiunda saltem interim (viroorum eruditorum) judicia: quae ultra spem benigna fuerunt. Libellus quippe ille non tantum in varias linguas transfundi, sed et in scholas tam dense recipi coepit, ut opus fuerit me et alios publice inclamare, rem tanto applausu dignam non esse». (Opp. did. II. 83). *Пр. авт.*

ленія лешенской школы, въ свѣтъ же выпущена какъ бы для пробы; похвалы ей побудили его передѣлать книгу и исправить въ ней многое ¹⁾; послѣ онъ сдѣлалъ ее лишнюю, написавъ для начинающихъ особенное руководство (*Vestibulum ianuae ling. reseratae*), для развитыхъ же—болѣе полную и обстоятельную этого рода книгу (*Atrium* или *Palatinum lingu*). Для руководства самимъ учителямъ онъ придумалъ впослѣдствіи кое-что пошире и поглубже, о чемъ еще рѣчь впереди.

Но прежде слѣдуетъ познакомить съ другими сторонами дѣятельности Коменскаго,—дѣятельностью его, какъ священника братской общины. Въ 1632 г. собрался въ Лешнѣ генеральный соборъ, или сеймъ всей общины; на немъ нашъ Амосъ, въ числѣ прочихъ, былъ избранъ въ старшины, или сеніоры общины. Тутъ на соборныхъ совѣщаніяхъ было признано нужнымъ составленіе и изданіе нѣкоторыхъ сочиненій и, рядомъ съ другими, Коменскому поручено сочиненіе *исторіи о тяжелыхъ временахъ чешской церкви и объ обрядахъ и наказаніяхъ церковныхъ въ братской общины*; на его же долю пришлось составить заявленіе братьевъ противъ М. Сам. Мартинія изъ Драхова и написать книжку противъ сочиніанина Мелх. Шеффера—по вопросу: *своей ли силой Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ?* Она впервые вышла изъ типографіи въ Лешнѣ, въ 1638 г. Прежде же въ той же лешенской типографіи Коменскій издалъ въ свѣтъ, не только свои книги «Лабиринтъ свѣта» и «Глубину надежды», но и нѣкоторыя религіозныя сочиненія, нѣкогда написанныя Лудовикомъ Бэйлемъ по англійски и имъ переведенныя; въ то же время онъ частыми проповѣдями въ братскихъ собраніяхъ

¹⁾«Quod occasionem dedit rude hoc, utpote primi tentaminis, opusculum melius elimandi, et quidem eo usque, ut primam illam Januam non amplius agnoscam meam, abolitamque velim». (Opp. did. I. 250). Однако это первое изданіе устояло и второму лучшему навсегда преградило путь. *Ир. аст.*

содѣйствовали къ просвѣщенію братьевъ. Уже изъ этого видно, что въ изгнаніи онъ велъ жизнь дѣятельную и разнообразно-трудовую. Особенно доказываютъ это его попытки, хотя и несовсѣмъ удачныя, основать на Библии философскую науку о природѣ, чего первый опытъ онъ представилъ, въ 1632 г., въ своей физикѣ.

Между учеными людьми того времени, которые, ознакомившись съ вышеприведенными идеями Коменскаго о соединеніи языка и понятій людскихъ и органической связи между ними, стали усердными проводниками ихъ въ дѣло, слѣдуетъ упомянуть: Сам. Гартлиба въ Лондонѣ, Юрія Вехнера (эмигранта), Захар. Шнейдера въ Лейпцигѣ, Сигизм. Эвенія въ Веймарѣ, Ивана Мохингра въ Данцигѣ и Ивана Доцема въ Гамбургѣ; скоро впрочемъ число ихъ въ Европѣ такъ увеличилось, что нѣтъ силъ всѣхъ перечислить. Сам. Гартлибъ совѣтовалъ Коменскому сдѣлать нѣкоторое высшее примѣненіе его идеи: на подобіе извѣстной уже «*Janua linguarum*» составить какую нибудь «*Janua sapientiae*» чтобы въ ней кратко и ясно заключался объемъ всѣхъ извѣстныхъ, употребительныхъ и полезныхъ, людскихъ знаній въ ихъ органической связи. Тогда Коменскій, написавъ краткое вступительное разсужденіе объ этомъ, послалъ его къ нему въ Англію, а тотъ, долго не думая и не давъ даже знать Коменскому, напечаталъ его въ первый разъ въ Оксфордѣ, въ 1637 г., подъ заглавіемъ «*Conatum Comenianorum praeludia*», а потомъ, въ 1639 г., въ Лондонѣ, подъ заглавіемъ «*Pansophiae* ¹⁾ *prodromus*». По распространеніи этой книги (хотя и противъ воли Коменскаго, который считалъ свою идею еще не созрѣвшею и хотѣлъ познакомить съ нею общество только совре-

¹⁾ Подъ именемъ «Пансофія» Коменскій разумѣлъ особаго рода энциклопедію или конспектъ всѣхъ людскихъ знаній и наукъ. *Пр. аст.*

менемъ), всѣ европейскіе ученые обратили на него свое вниманіе. Отъ знаменитыхъ людей, изъ всѣхъ странъ получалъ онъ письма, побуждавшія его къ дальнѣйшей дѣятельности на этомъ великомъ и славномъ поприщѣ; труды пансофическіе и дидактическіе вдругъ стали модными въ образованной Европѣ²⁾; въ похвалахъ, воздаваемыхъ ему, нерѣдко довольно рѣзко проявлялась зависть и даже ненависть. Но такова уже судьба всѣхъ великихъ заслугъ въ этомъ мірѣ!

Тогда впервые и всего болѣе обратили вниманіе на Коменскаго въ Швеціи—при королѣ Густавѣ Адольфѣ и при намѣстникѣ его, столь знаменитомъ государственномъ канцлерѣ, Оксенштирнѣ. Уже въ 1638 г. его вызывали, особымъ декретомъ верховнаго государственнаго управленія этого королевства, для передѣлки въ немъ всего школьнаго порядка по своему методу. Но онъ, страшась принять на себя столь тяжкое бремя и опасаясь возбудить противъ себя людскія страсти внезапной переменой всего, кромѣ того, имѣя въ виду и другія причины, не хотѣлъ согласиться на этотъ вызовъ, а предложилъ прислать къ нему какого-нибудь способнаго мужа изъ Швеціи и изъявить свою готовность охотно служить въ этомъ совѣтомъ и всѣмъ, чѣмъ только можетъ.

Еще съ бѣльшимъ усердіемъ, и къ Коменскому съ бѣльшимъ радушіемъ, отнеслись англичане. Разобравъ дѣло, чтобъ Коменскому не было помѣхи въ составленіи столь важнаго и полезнаго сочиненія, какъ эта новая пансофія, нашли нуж-

²⁾ Профессоръ математики въ Гамбургѣ, Иванъ Адольфъ Тассіусъ писалъ объ этомъ Гартлибу, въ такихъ выраженіяхъ: *Fervet jam per omnes Europae angulos Pansophicum et melioris Didacticae Studium. Quodsi nihil etiam plus praestiterit Comenius, quam quod tantam stimulorum segetem in omnium sparsit animos, satis fecisse putandus est* и пр. Это подтверждаютъ и многія другія письма къ Коменскому, которыми онъ кое-гдѣ приводитъ въ своихъ сочиненіяхъ. *Пр. авт.*

лымъ дать ему помощниковъ, и для этой цѣли была учреждена пансофическая коллегія. Объ этомъ дѣлѣ, особенно по вліянію Гартлиба, было заявлено и въ англійскомъ парламентѣ и, по рѣшенію этого учрежденія, Коменскаго вызвали въ Англію. Вслѣдствіе этого, отправившись туда, онъ прибылъ въ Лондонъ, 21 сентября 1641 г.; парламентъ на четверть года былъ распущенъ, а король находился въ Шотландіи. По этимъ причинамъ онъ долженъ былъ остаться въ Англіи на всю зиму; но вотъ наконецъ собрался парламентъ и, узнавъ о его присутствіи, сдѣлалъ распоряженіе, чтобъ онъ ожидалъ, пока онъ (парламентъ) покончитъ съ нѣкоторыми спѣшно-важными дѣлами и будетъ имѣть возможность, подъ своимъ непосредственнымъ наблюденіемъ, учредить особую комиссію для разсмотрѣнія и приведенія въ исполненіе столь важнаго дѣла. Между тѣмъ ему еще прежде намекнули, что имѣютъ въ виду поручить ему особую коллегію, съ достаточнымъ содержаніемъ, для подготовки нѣсколькихъ ученыхъ, на извѣстное число лѣтъ или и навсегда; кромѣ Лондона, предполагалась коллегія въ Винчестерѣ, или скорѣе въ Чельзѣ, реэстры доходовъ въ которыхъ ему были представлены. Такимъ образомъ Коменскій сталъ питать нѣкоторую надежду, что вотъ исполнится мысль великаго Бэкона объ учрежденіи гдѣ-нибудь на земномъ шарѣ общей коллегіи ученыхъ, которая бы имѣла въ виду только прогрессъ знаній. Но увѣ! въ то время, когда объ этомъ шли разсужденія, въ Ирландіи произошло возмущеніе противъ англичанъ, въ которомъ ихъ легло 50000; король Карлъ I разсорился съ парламентомъ, неожиданно оставилъ Лондонъ и со всѣхъ сторонъ разгоралась кровавая междоусобная война, жертвою которой, чрезъ нѣсколько лѣтъ, палъ самъ король. Коменскій, видя, что при такихъ обстоятельствахъ нечего надѣяться на успѣхъ, съ разбитыми надеждами оставилъ Англію, и тѣмъ поспѣшише, что получилъ новое приглашеніе изъ Швеціи.

*

Въ Швеціи въ это время, въ прежнемъ городѣ Норткопингѣ, жилъ извѣстный дворянинъ нидерландскій, Лудвигъ Фонъ-Гееръ, по причинѣ обширной торговли уже около двадцати лѣтъ не покидавшій этого государства. Приобрѣвъ большую опытность въ торговлѣ и при необыкновенномъ счастьи, онъ сильно разбогатѣлъ до такой степени, что взялся на свой счетъ вооружить цѣлый флотъ и могъ безъ труда доставлять все нужное для войны. Но, при безмѣрности богатства, равно безмѣрна была его неслыханная доброта и благородная щедрость. Если онъ узнавалъ о несчастіи и бѣдствіи въ какой-нибудь странѣ, или о похвальномъ предпріятіи, нуждающемся въ пособіи, то, не ожидая просьбъ, самъ предлагалъ людямъ помощь, такъ что заслужилъ самую лучшую похвалу: его звали «великій милостивецъ Европы». Чешскіе и моравскіе эмигранты воспользовались многими его благодѣяніями. Вотъ тотъ-то человѣкъ, освѣдомившись, чрезъ управляющаго его домомъ въ Амстердамѣ, Оттона по имени, о Коменскомъ и его полезной дѣятельности по дѣлу улучшенія безурядицы въ преподаваніи, чрезвычайно любезнымъ письмомъ вызвалъ его къ себѣ изъ Англіи, въ которомъ обѣщалъ ему и его семьѣ и столькимъ ученымъ, сколькохъ онъ пожелалъ бы пригласить съ собою, достаточное содержаніе на многіе годы съ тѣмъ, чтобы, пріѣхавъ въ Швецію, онъ продолжалъ далѣе свои ученыя занятія. Между тѣмъ Коменскій вернулся въ 1642 г., чрезъ Амстердамъ и Лейденъ, изъ Англіи, и обратился за совѣтомъ къ домашнимъ и друзьямъ, что ему дѣлать; они одобрили поѣздку его въ Швецію, но съ тѣмъ, чтобы онъ не бросалъ своей пансофіи, и онъ рѣшился согласиться на это приглашеніе.

Прибывъ въ Швецію, въ августѣ 1642 г., прежде всего явился Коменскій къ новому меценату своему Гееру въ Норткопингъ; тотъ принялъ его чрезвычайно ласково и, чрезъ

*

нѣсколько дней, отправилъ въ Стокгольмъ къ государственному канцлеру, Оксенштирну, и къ канцлеру uppsальской академіи, Іоанну Скитѣ. Каждый изъ нихъ, въ теченіе четырехъ дней, имѣлъ съ Коменскимъ всевозможныя разсужденія; въ особенности первый, этотъ «сѣверный орелъ», такъ глубоко разбиралъ его дидактическія и пансофическія положенія, какъ не дѣлалъ этого ни одинъ изъ ученыхъ. Первые два дня разбирая дидактику, напоследокъ Оксенштирнъ сказалъ, говорятъ: «Я съизмала замѣтилъ, что принятый у насъ методъ обученія неестественъ и неудобенъ; но въ чемъ заключались его недостатки—я найти не могъ. Будучи посланъ моимъ, блаженной памяти, королемъ, въ германское посольство, я говорилъ объ этомъ съ нѣкоторыми учеными людьми, и, наконецъ узнавъ о Ратихѣ, задумавшемъ исправить школьный методъ, я не зналъ покоя, пока съ нимъ не сошелся; онъ же, вмѣсто разговора, далъ мнѣ прочесть свое большое сочиненіе in quarto. Одолевъ эту трудность, и прочитавъ всю книгу, я увидѣлъ, что онъ не дурно раскрываетъ недостатки нашихъ школъ, но средствъ исправить ихъ не указываетъ достаточно. Вы же стойте на болѣе прочныхъ основаніяхъ, не оставляйте ихъ» и пр. Когда же Коменскій отвѣтилъ ему, что теперь онъ намѣренъ, оставивъ дидактическія занятія, перейти къ реальнымъ; «знаю», отвѣтилъ Оксенштирнъ, «что вы задумываете нѣчто высшее, потому-что читалъ ваше предисловіе къ пансофіи; объ этомъ поговоримъ съ вами завтра: теперь общественныя дѣла призываютъ меня въ другое мѣсто». И вотъ, на другой день, приступая къ точнѣйшему разбору пансофическихъ идей, Оксенштирнъ сперва предложилъ Коменскому вопросъ: «умѣстъ ли онъ терпѣливо переносить чужія возраженія?» на что тотъ отвѣчалъ, что, для лучшаго выясненія истины, самъ желаетъ ихъ отъ людей свѣдущихъ. Послѣ этого Оксенштирнъ оспаривалъ мнѣніе, что пансофія можетъ слу-

жить дверью къ улучшенію людскихъ дѣлъ, и въ подтвержденіе своей мысли приводилъ достаточныя основанія со стороны политической, находилъ даже доказательства въ св. Писаніи, что въ этотъ послѣдній вѣкъ міра все должно быть не лучше, а хуже. Когда Коменскій пріискивалъ на это всевозможныя возраженія, онъ напослѣдокъ выразился: «Я не думаю, чтобы что-нибудь подобное пришло кому-нибудь въ голову. Продолжайте предпріятіе ваше; такимъ образомъ мы спокойно достигнемъ цѣли, или уже не будетъ никакого благопріятнаго исхода. Между тѣмъ мнѣ было бы желательнѣе всего, чтобы вы позаботились о школахъ, сдѣлали легче обученіе въ нихъ латинскому языку, и тѣмъ самымъ расширили себѣ дорогу къ этому большому дѣлу». На то же постоянно налегалъ и Скитэ, прибавляя при этомъ, что если онъ ужъ не хочетъ переехать, съ семьей своей, въ Швецію, то, по крайней мѣрѣ, поселился бы гдѣ-нибудь поближе, напримѣръ въ прусскомъ Эльбингѣ. Наконецъ, когда и Гееръ, по возвращеніи Коменскаго въ Норткониингъ, одобрялъ это, Коменскій согласился, надѣясь, что вскорѣ онъ можетъ отдѣлаться отъ этихъ трудовъ. Но такое сближеніе его съ шведами чрезвычайно не понравилось англичанамъ, и они старались всѣми силами отклонить его отъ этого намѣренія. Достаточно, говорили, пояснено въ дидактикѣ; чего недостаетъ, могутъ дополнить другіе; пансофіи же едва положено еще основаніе, отъ которой, по ихъ словамъ, для міра можно ожидать большей пользы, чѣмъ отъ латинскихъ школъ. Гартлибъ писалъ ему между прочимъ: «*Quo moriture ruis? minoraque viribus audes?*» Коменскому, хотя и хотѣлось вернуться, но новая должность налагала новыя обязанности; въ это время онъ сочинилъ и, въ 1643 г., издалъ въ Данцигѣ продолженіе своей «*Pansophiae diatyposis*»; и уже, живя съ родными въ Эльбингѣ, вполне посвятилъ себя составленію книгъ по преподаванію языковъ,

для употребленія въ школахъ. Въ этихъ трудахъ провелъ онъ, противъ собственнаго ожиданія, цѣлыя шесть лѣтъ, до 1648 г.; кромѣ того, какъ старшина братской общины, участвовалъ на соборахъ, нѣсколько разъ созываемыхъ, въ 1644 и 1645 г., королемъ Владиславомъ для дружественныхъ соглашеній о происшедшихъ разницахъ въ богослуженіи; пришлось также ему съ той же цѣлю написать нѣсколько отдѣльныхъ сочиненій, которыя однако, по большей части, не были изданы. Въ 1646 г. Коменскій со всѣмъ, что до тѣхъ поръ написалъ для школъ, по призыву мецената своего Геера, отправился въ Швецію. Тамъ назначили трехъ комиссаровъ для разбора его дидактическихъ сочиненій, которыя они и одобрили, передавъ при этомъ ихъ ему, для окончательной отдѣлки и напечатанія въ пользу ихъ школъ. Но онъ, находя все новыя недостатки въ своихъ сочиненіяхъ, до 1648 г. занимался ихъ исправленіемъ, и тогда уже осмѣлился издать ихъ въ свѣтъ. Сочиненія эти были: 1) *Methodus linguarum novissima*; 2) *Uestibulum Latinae linguae*; 3) *Janua linguarum*; 4) *Lexicon Januale Latino-Germanicum*; 5) *Grammatica Latino-vernacula*; 6) *Atrium linguae Latinae, rerum et linguarum ornamenta exhibens*. Самымъ замѣчательнымъ изъ нихъ, и какъ бы ключемъ къ прочимъ, было первое сочиненіе, т. е. новая метода языковъ, или, какъ мы теперь называли бы его, философское ученіе о языкахъ и ихъ обработкѣ въ разныхъ отношеніяхъ: чтеніе его еще и до сихъ поръ будетъ полезно для каждаго языковѣдателя. Тутъ характеристично стремленіе Коменскаго, тогда еще необыкновенное, чтобъ ученіе людей, оставивъ уже одну безконечную заботу о мертвой латыни и устарѣлыхъ ея красотахъ, обратилось всѣми силами къ обработкѣ своихъ народныхъ языковъ, а чрезъ это къ просвѣщенію народонаселенія родной страны. Онъ называетъ слѣпымъ предразсудкомъ, будто новыя языки европейскіе не удовле-

творяютъ всеѣмъ требованіямъ языковъ культурныхъ; пусть только изслѣдованіе займется изысканіемъ скрытыхъ ключей и ихъ развѣтвленіемъ, и пусть каждый языкъ развивается и облагороживается по естественнымъ законамъ своей аналогіи,—тогда, думаетъ онъ, всякій языкъ будетъ вполне удовлетворителенъ. Желательно было бы, чтобы кто-нибудь изъ нашихъ ученыхъ не полѣнился представить, въ переводѣ на нашъ родной языкъ, эту превосходную книгу, хотя бы въ извлеченіи: дѣйствительно многому научились бы мы тутъ изъ устъ того мужа, который до сихъ поръ, въ сочиненіяхъ своихъ на родномъ языкѣ, былъ образцомъ пріятности и обработанности языка. Всевозможнаго вниманія заслуживаетъ и методъ его всеобщей грамматики, особенно въ сдѣланныхъ къ нему прибавленіяхъ.

(Окончаніе будетъ).

